

ТАЙНЫЙ СУД

ВАДИМ СУХАЧЕВСКИЙ

ТАЙНЫЙ СУД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Оформление Екатерины Ферез

Издательство благодарит литературного агента
Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Сухачевский, Вадим.

С91 Тайный суд : [роман] / Вадим Сухачевский. — Мон-
секва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Тайный
суд).

ISBN 978-5-17-088706-4

В тридцатые годы XX века в Москве действует загадочное тайное общество, на самом деле существовавшее в средневековой Германии. Итальянская мафия — лишь одно из его отделений. Тайный суд оставался единственной надеждой бедняков на справедливость. И в советской России, погрязшей в беззаконии и страхе, для него тоже находится работа.

Сын «врага народа» получает приглашение в ячейку московского Тайного суда. Оказывается, его отец занимал в могущественном Ордене высокий пост! Теперь Юрий облечен властью вершить судьбы высокопоставленных преступников. Однако НКВД чрезвычайно озабочен загадочными смертями своих коллег и выходит на след Тайного суда. Но главное испытание вершителей справедливости впереди: они переходят дорогу еще более древней и смертоносной организации...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088706-4

© В. Сухачевский
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1,

*позволяющая увидеть лишь поверхностную сторону
некоторых весьма загадочных событий*

Если бы кто-нибудь из знакомых майора государственной безопасности Степана Акимовича Чужака в то весеннее утро 1938 года увидел его в лубянском кабинете, когда он положил телефонную трубку, то был бы весьма удивлен, ибо на волевом, никогда не затуманившемся сомнениями лице Чужака отражалась непривычная растерянность.

Но никто в этот момент его не видел, майор был в кабинете один. Однако и оставаясь наедине с собой, Степан Акимович умел держать себя в руках, посему то, что кто-нибудь принял бы лишь за растерянность, в действительности было подлинным смятением. Прежде нечто подобное случилось с Чужаком лишь однажды в жизни, лет восемь назад, в Одессе, во время служебной командировки, когда одна смазливенькая бабенка, которую он после ресторана увлек в свой гостиничный номер, вдруг при потущенном свете, в самый *тот* миг оказалась самым что ни есть мужиком. И смятение было тогда вовсе не потому, что подобные мерзости на свете иногда-таки встречаются, а просто потому, что ждал одного, а на поверку вышло настолько вот иное!

Если же не считать того одесского случая, то и не припомнить, чтобы Чужак ошибался когда-либо в жизни,

хоть бы даже в самых пустячных мелочах. Играя в преферанс, всегда предчуял, какой прикуп лежит, отчего никогда не бывал в проигрыше. И во время допросов помогало: всегда знал, когда расколется нелюдь. Нынче, допустим, и усердствовать без надобности, пустое дело; а вот через два дня нужно уж как следует постараться: во всем сознается, ни от чего не отвертится, сукин сын! Или, к примеру, с Любочкой, машинисткой. Неделю назад — здрасьте-пожалста: «Подзалетела я опять, кажись, товарищ майор. Похоже, снова придется к бабке Лукьянне идти, так что уж готовьте, как в прошлый разик, сто пятьдесят рубликов». А он в одно ухо впустил, в другое выпустил. На сей раз даже и денег от жены, от Клавдии, за начивать не стал, не сомневался — обойдется. И точно! Нынче же утром Любочка сообщила: ошиблась я, Степан Акимович, напрасные страхи.

Даже изменения погоды чуял загодя. Вот нынешнюю капель предугадал еще вчера, когда на дворе стоял лютый мороз. Небось теперь все, кто в соседних кабинетах парятся в теплых поддевах, а он, Чужак, в одной летней маечке под гимнастеркой, в полной поэтому комфорtabельности. Была в нем, видно, такая какая-то особая жилка, дарующая человеку это чутье. А от большой беды сколько раз эта жилка уберегала, от самой что ни есть погибели! Так, в Гражданскую, в девятнадцатом, от лютой смерти спасла. Всего-то и надо было двум эскадронам ЧОНа, его и Петьки Кувалдина, объехать деревню Пантелеевку для присоединения к бригаде. Кувалдин говорит: «Лучше слева объехать, у речной балки, так выйдет короче», — а он ему: «Ну а мы давай-ка — справа, вокруг леска, вот и поглядим». Вроде просто так, на спор сказал.

Ан нет! Она, точно, она, жилка, подсказала! Потому как слева от Пантелеевки наткнулся тогда кувалдинский эска-

дрон на большой отряд белоказаков, на другой день всех нашли порубанными. Если б не она, не жилка, лежать бы и ему, Чужаку, там, в речной балке, разрубленному, как Петя Кувалдин, казацкой шашкой от плеча до крестца.

А когда взяли на работу сюда, в ОГПУ! Тоже ведь жилка, поди, подсказывала. Вроде бы пустяк подсказывала: с теми выпивай, балагурь, а с теми — ни-ни! Но вышло, что оно вовсе и не пустяк. С кем «ни-ни» — те уже давно постреляны, вражье семя, а с кем сошелся — те вон как в гору пошли! А за собой и его потянули. Потому-то он сейчас и сидит за большим столом в большом кабинете, а не кормит червей в безымянной могиле, а в петлице — ромбик высшего комсостава, генерал по-старому¹. А за дверью, в приемной, Любочка-прелесть на «ремингтоне» пальчиками наманикюренными тюк-тюк-тюк.

Жилка у него потому как!..

Но что ж она, жилочка-то заветная, два дня назад не подсказала ему ничего?

Когда два дня назад узнал, что найдены мертвыми старший майор госбезопасности Буцис и майор Ведренко, никакого это его, Чужака, не встревожило. Смерть обоих, правда, вызывала некоторые вопросы. Ведренку обнаружили в Мытищах, где ему ровным счетом делать было нечего, в незамерзающем пруду возле ТЭЦ, с пудовым камнем на шее, а Буциса (вовсе уж странно!) нашли висящим на дереве в Нескучном саду с фанерной табличкой на груди, и написано на этой табличке было рукой самого же Буциса вот такое: «Люди! Я — гад распоследний! Простите меня!»

Горевать об их гибели было не с чего — оба служили в другом отделе, Ведренку он не знал вовсе, а с Нюмкой

¹ Звание «майор государственной безопасности» в ту пору приравнивалось к общевойсковому званию «комбриг» (впоследствии — генерал-майор) (здесь и далее примеч. автора).

Буцисом пересекся когда-то лишь раз, давным-давно, по смутному одному дельцу... Ладно, что теперь вспоминать! Здесь, в конторе, где вместе после очутились под крылом сперва у врага, у Ягоды, а теперь вот у Ежова Николай Иваныча, ни в какие разговоры он с ним никогда не вступал: жилка подсказывала, что Нюмка из тех, с кем — ни-ни. Поэтому тогда, узнав по сводке об обоих жмуриках, только лишь подумал: зачем же так по-хитрому-то убрали этих двоих? Не хотели шлепнуть как вражин (на то у наркома, у Ежова, у Николай Иваныча, могли быть свои какие-то высокие резоны), так можно бы устраниТЬ попроще — вон, хотя бы как в прошлом месяце того же комиссара 3-го ранга Шептунова. Шел к Фроське, к любовнице своей, в подъезде получил маслину в лоб, и все дела.

А почему? А потому, что, видно, знал этот самый дурень Шептунов слишком много такого, чего ему, по всему, знать не следовало бы, да только никакой жилки не имел, чтобы сие уразуметь. Но это Чужак лишь для себя вывел, да и выкинул из головы как для нее, для головы, совсем лишнее. А по делу комиссара Шептунова доложил народному комиссару Николаю Иванычу, что пал-де Шептунов в результате разветвленного вражеского заговора, и они, враги, числом шесть человек, уже во всем сознались и теперь ждут, когда их покарает справедливая рука пролетарского возмездия.

Улыбнулся тогда Николай Иванович, сказал: «Молодцом. Хорошо работаешь, Чужак». Не подвела, стало быть, жилка!

Ну а раз так, то с делом этих двоих, Буциса и Ведренки, разбираться тоже поручили ему. Дело, конечно, было похитрее шептуновского, в том смысле похитрее, что заговор недобитых вражин должен был быть куда как развет-

вленнее. Уже семнадцать человек участников сидели по этому делу во внутренней лубянской тюрьме. За первые же сутки двенадцать из них уже давали признательные показания, а оставшиеся пятеро, главные злыдни (два инженера, профессор, бывший поп и Усачов, врач-стоматолог этот хренов, что на Аглайке, чужаковской старшенькой, жениться в прошлом году передумал), — эти пятеро не то чтобы вовсе упорствовали про вражий Центр, который ими руководил, сразу как на духу все выложили (а отделения того Центра оказались и в Париже, и в Лондоне, и в, мать ее, Аддис-Абебе, и еще хрен знает где), да вот ни в какую выдавать не желали, каким образом им удалось заставить старшего майора Буциса, не трусливого вообще-то музыка, перед гибелю написать на фанере те глупые слова.

Решил: пытками, должно быть, принудили, не иначе. Оставалось до малого дознаться: где пытали и как. Вот в этом «как» и была пока что самая заморочка — следов-то на теле у покойного никаких! Однако товарищу Ежову он, Чужак, еще вчера направил рапорт: так-де и так, раскрыт злодейский... разветвленный... с участием...

И вот нынче утром звонок по внутреннему. Николай Иванович самолично! Да вдруг:

— Ты что мне, Чужак, баранья башка, что ты мне там насочинял?! Ты кому голову морочишь, сукин сын?! — Голос у маленького, худосочного Николай Иваныча тоненький и вонзается, когда нарком в гневе, как острое шильце, в самую-самую душу. — Что ты мне там наплел, писака гребаный?! Что мне твои говенные попы и сраные инженера?! Подотрись своим рóманом и ищи мне по-настоящему! По-настоящему — понял?! Ищи, кто убирает чекистов! И этих двоих, и Цыганкова, и Капралова, которых — еще в январе! Чтоб все раскопал! Носом землю

рой — а раскопай! Сроку тебе две недели! Не раскопаешь — пожалеешь у меня, что на свет появился, понял, Чужак? Всё! — Отбой в трубке.

И сидел Чужак перед телефоном, и смотрел на аппарат ошарашенно. Душа, этим шильцем, тоненьким, визгливым голосом товарища наркома насквозь прораненная, болючей болью заныла вся. Никогда еще Николай Иванович с ним так не разговаривал. А в чем провинился он, Чужак, чего ему жилка-то его не подсказала?.. Был тут, конечно, и страх, ибо знал он, а кому еще как не ему, Чужаку, и знать, сколь не пустячна угроза народного комиссара: «Пожалеешь, что на свет появился». Но было и кое-что еще, терзавшее изнутри едва ли не так же мучительно, как страх. Если уж сам Николай Иванович приказал искать по настояющему, — стало быть, вза-правду, по-настоящему, существует какая-то вражья сеть, которая выделяет вот такие вот вражьи дела! Это как же, как же, едрен-ть, проморгали-то?! И эти, из девятого отдела, Цыганков с Капраловым, тоже, выходит, в самом деле какими-то неведомыми врагами убранны!

Взаправду, стало быть, по-настоящему, под самым носом разгуливает лютый враг! Что ж это делается, братцы?!

Любочка без стука открыла дверь:

— Товарищ майор, отпечатала, тут расписаться... — Вдруг, осекшись, спросила с испугом: — Что-то случилось, Степан Акимович? У вас лицо такое...

И впервые Чужак ответил ей грубо:

— Изъди!

* * *

В это же самое время в том же самом здании и в таком же точно, как у Чужака, кабинете, но только расположенному этажом выше, за письменным столом сидел человек, носив-

ший такое же, как Чужак, звание майора государственной безопасности, но на этом их сходство заканчивалось. У этого человека была неброская фамилия Николаев, и звали его, разумеется, Николай Николаевич. «Разумеется» — потому что рядом находились кабинеты Иванова И.И. (Иван Иванович, конечно же), Петрова П.П., Сидорова С.С. и т.д., так что считать их фамилии, имена и отчества подлинными мог бы только очень наивный гражданин.

Впрочем, столь наивные граждане на этом этаже никогда и не появлялись, ибо отдел майора Николаева, в отличие от чужаковского отдела, занимался розыском настоящих шпионов, засланных из-за рубежа, а не запутанных инженеров, врачей и прочих граждан, готовых после встречи с лубянскими костоломами подписать признание в чем угодно, хоть в шпионаже в пользу Шумерского царства. И хотя раскрываемость в отделе Николаева исчислялась единицами в месяц, а не сотнями в неделю, как у Чужака, этот отдел начальство ценило и даже, пожалуй, несколько побаивалось. И служили тут люди — не чета чужаковским мастерам пыточных дел с большими кулаками и тремя классами образования (да что там, когда сам нынешний нарком госбезопасности Ежов писал в графе «образование»: «незаконченное низшее»); все служившие тут имели образование высшее (а то и не одно), владели в совершенстве тремя-четырьмя иностранными языками (Николаев — шестью), какое-то время нелегально работали за границей. В общем, это был штучный товар, который надо беречь.

И никогда в их кабинетах не раздавались матюги следователей и стоны избиваемых, здесь вообще предпочитали тишину.

В тиши своего кабинета майор Николаев на время оторвался от чтения отчетов о наблюдениях за неким

гражданином Быковым, почти наверняка являвшимся немецким шпионом, и недавно приехавшей в СССР некоей миссис Сазерленд, женой британского миллионера, с которой пока не все было ясно, и взялся за сводку по наркомату за минувшую неделю.

Строки об убитых столь затейливым образом майоре Ведренко и старшем майоре Будисе вызвали особый интерес майора, хотя по его виду никто бы этого не заметил. Он подумал: «Допрыгались, мерзавцы! Давно пора», — поскольку знал за этими двоими много всяких гнусностей. Увы, гнусности эти нельзя было отнести к какому-нибудь троцкизму, носили они чисто бытовой характер, потому-то эти двое столь долго были вне всякой опасности, так же, как Цыганков и Капралов, убитые сходным образом чуть ранее.

И вот наконец кто-то решился поступить с ними так, как в любой другой стране поступило бы с ними само государство. Но здесь... Все их художества могли проходить лишь по линии милиции, однако разве ж наша народная милиция посмеет тронуть сотрудников самого НКВД, да еще носящих такие высокие чины?

Тогда кто же их?.. Безусловно, действовала какая-то умелая организация. «Молодцы ребята, славно сработано», — подумал Николаев, и как раз в этот момент зазвонил телефон.

Звонил сам народный комиссар Ежов. С майором Николаевым нарком всегда был по-своему вежлив, никогда не «тыкал», не повышал на него голос, словно его, наркома, вдруг пригибало перед этим умником «незаконченное низшее».

Сперва нарком поинтересовался, как дела с этим Быковым, немецким шпионом.

— Пока «водим», — коротко ответил Николаев.

Майор знал, что Ежов искренне не понимает, зачем долго «водить», если можно сразу взять и — по-рабоче-крестьянски — просто бить, пока не расколется, но и давить на их отдел как-то робеет.

— Ну-ну, водите, — сказал нарком.

Было ясно, что этот вопрос сейчас его мало интересует. Он сразу перешел к тому, что действительно его зацепило — к убийствам Буциса, Ведренки и других.

— Что думаете, Николай Николаевич, — спросил он, — может, это чья-нибудь иностранная разведка?

— Едва ли, — ответил майор. — Никакой разведке не интересны эти...

— ...эти говнюки, — закончил за него нарком. — М-да, разведки всяким говном не интересуются... Тогда кто же?

— Мало ли кто. Думаю — просто на бытовой почве.

— Бытовуха... — с сомнением проговорил Ежов. — Уж больно как-то для простой бытовухи складно вышло... Может, передать в ваш отдел?

— Вы же знаете, Николай Иванович, наш отдел бытовухой, как вы выражились, не занимается, — сухо заметил майор Николаев.

Некоторое время он слышал в трубке сопение, которое, вероятно, отображало гнев народного комиссара, но, посопев немного, нарком лишь произнес:

— Ну ладно, — и повесил трубку.

Майор Николаев снова просмотрел сводку, хотя и так знал ее наизусть после первого прочтения — таково было свойство его памяти, — и проговорил:

— Любопытно... — что обычно означало его крайнюю заинтересованность в каком-либо деле.

Народный комиссар же, повесив трубку, произнес:

— Сука!.. — имея в виду, понятно, этого чистюлю-майора, до которого когда-нибудь ох и доберется он.

Затем Ежов произнес еще одно слово, совсем уж грязное, обрисовав этим словом для себя не только этого майора, но и всю сложившуюся ситуацию в целом.

Настроение было мерзкое. Он находился в том состоянии духа, когда лучше не попадаться ему на глаза.

* * *

Но если бы тем же утром кто-то увидел ответственного работника одного из важных промышленных главков Павла Никодимовича Куздюмова в ту минуту, когда тот выходил из подъезда своего дома, что на Арбате, то даже следа озабоченности не прочел бы на его уверенном лице. Кое-что, правда, озабочило Павла Никодимовича в то утро, но было это полчаса назад, сразу после завтрака, а по здравом размышлении она, эта озабоченность, к моменту выхода из дому уже целиком прошла.

Тогда, после завтрака, лишь только он затянулся папироской и открыл свежий номер «Правды» с репортажем о процессе над гадами-вредителями, — минуты эти благостные, с газетой и папироской, он особенно в жизни ценил, — Соня, домработница, вдруг положила перед ним конверт без почтового штемпеля:

— Вот, Пал Никодимыч, опять подсунули под дверь.

«Черт! — подумал Куздюмов. — Снова кто-то все те же шутки шуткует!»

Третьего дня похожий конверт без обратного адреса и почтового штемпеля ему уже подсовывали таким же манером. И в конверте лежала писулька с невероятной фигней: дескать, уведомляем вас, гражданин Куздюмов, что

какой-то, понимаешь ли, Тайный Суд (нет, ну придумают же, гады!) на завтра, мол, назначает предварительное заседание, связанное с вашим делом. Если, мол, желаете присутствовать на этом заседании, то подойдите ровно в шесть часов вечера к газетному киоску возле вашего дома, там вас встретят и отвезут в надлежащее место. Дальше говорилось, что если он к киоску вовремя не подойдет, то это самое заседание Суда все равно состоится, но только в таком случае уже без его присутствия. В общем, наподобие повестки.

А на деле, если чуть пораскинуть мозгами, то чушь ведь, чушь несусветнейшая! Тут и слов даже, окромя матерных, не подобрать, чтобы выразить, какая чушь!

И, понятно, ни подписи, ни печати. Да и откуда у них, у шутников этих, печать? У них даже машинистки знакомой не нашлось, чтобы для какой-то хоть мало-мальской убедительности на машинке это отстукала, от руки эту фигню накропали!

А хоть бы даже и на машинке, хоть бы даже, пускай, с печатью — оттого меньшей чушью не стало бы! Додуматься: встреча у киоска! А сами небось из какого-нибудь окошка будут в бинокль наблюдать, как он, дурень, у того киоска мается на морозе, чтобы вдоволь похихикать над ним, знаем таких шутников! Нетушки! Понищите себе дурачка в другом месте, шутники фиговы!

В милицию бы эту фигистику отнести — да только недосуг!.. И вообще при мысли о милиции отчего-то кольнуло в душе нехорошо. Хотя с чего бы? Ведь не было же, не было за ним ничего такого, чтобы самому ее бояться, ну ровным счетом ничегошеньки!..

Ладно, аллах с ней, с милицией. В тот раз просто выкинул в ведро эту писульку — и из головы вон. Но вот, гляди ж ты, неймется им! Снова!..